

Максим Гладких

# СТЕНА

женская история

# Максим Гладких

# Стена. Женская история

*<https://litres.ru/74112544>*

*SelfPub; 2026*

## Аннотация

Повесть о настоящем человеке. Её зовут Марина. История о том, что даже стена в тупике жизни может стать опорой и союзницей. Если ты настоящая.

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1                           | 4  |
| Глава 2                           | 16 |
| Глава 3                           | 23 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 30 |

# Максим Гладких

## Стена. Женская история

### Глава 1

Пятница, вечер. С работы давно пришла. Покормила кота. Получила сообщение от мужа. И теперь пытаюсь принять, что произошло. Не произошло даже — случилось. Двадцать лет. Любви, надежды, взлётов, отчаяния, новых надежд. А теперь — всё. Последняя глава дописана. "Прости, Марина". Дальше содержание, справочный лист, закрываем книгу, ставим на полку. И?...

И сижу, пялюсь на стену. Она-то тут при чём? На стене — обои. Как въехали — поменяли. Но не сразу. Долго спорили, может — эти, старые, винтажные с лилиями — ещё повисят. Решили всё же поменять, долго выбирала. На цвет, на ощупь. Нашла, купила. Сняли старые винтажные. Отходили легко, с тихим шорохом. Как листья осенью. Под ними нашли надпись карандашом: "Петровы жили здесь. Уехали в Сочи". Какие Петровы, сколько их было - неведомо. Сашка развернул целую историю. Про бездетных стариков, которым надо на старости лет к синему морю. А там старик поймает золотого карася на удочку, и начнётся новая история.

Петровы в Сочи, мы здесь. Молодые, красивые, полные

сил и надежд. Любили безоглядно. Всё было впереди. Своя квартира. Ипотека закончится — счастье останется. А ещё — у нас будут дети. Мальчик и девочка. Там разберёмся.

А теперь я просто сижу и смотрю на эту стену. Саша написал из Белокаменки: «Марина, я ухожу. У меня другая женщина. У нас с Ниной будет ребёнок. Я этому рад. Будь счастлива. Прости».

К этому всё шло. Я это понимала. Он — тоже. Три года назад мы оба остались у разбитого корыта с кучей непролазных долгов. Разбитое корыто не склеить, а долги сами не разбивались. Обидно.

Петровы, не повторяйте там, в Сочи, наших ошибок. У вас и своих наверняка навалом.

Саша стал ездить на вахту, в Заполярье, под Мурманск. Там стройка века. А он — прораб. Три года. Он отдавал долги? Да. Но не только. Он расплачивался за всю нашу жизнь. Чтобы начать новую. Как бы её ни звали — Нина должна была появиться. Рано или поздно. Ничего с этим не поделать. Сашка и так держался героически.

Значит так, Марина. Давай по порядку. Не впадать в тоску брошенной женщины. Не твоё это. Саша тебя любит, ты его — тоже. Просто ваши пути разошлись. Так бывает. Одно кончилось, началось другое. Давай кратенько подведём баланс. Ты же бухгалтер, верно?

Что у тебя есть? Кто ты вообще сейчас? А там и реши, что дальше. Давай, что там у нас. Актив: тебе всего сорок.

Ты ещё совсем не старуха. Жильё есть. Работа есть. Долги — всё, почти нет. Ты свободна. И ты красивая блондинка, так? Надо убедиться, кстати. Зафиксировать.

— Да, совсем не старуха, — подтвердило зеркало. — Вот тут бы чуть убрать, но некритично. Первые седины — ничего, даже не портят. Ну, почти. Мордашка, ноги, формы. Ого. Да всё при тебе. И ещё — ты здорова, держишься огурцом. Сходи в салон, приведи себя в порядок. Будет ещё лучше.

— Ладно, не на ярмарку невест собралась, — ответила я себе. — Не будем забегать так далеко. Продолжаем аудит. Что там у нас? Мама, папа. Все живы, слава Богу. Кот, припадает на одну лапку. Тамарка. Верная подруга, пропасть не даст, если что. Всё не так уж и плохо.

Теперь — пассив: Мне уже сорок. Скоро сорок один. Любимый мужчина ушёл. Детей нет. И пока не предвидится. Никого рядом, если кота не считать. Впереди — неизвестность. Ты не начала писать новую книгу. Ты даже не придумала заглавия. А время идёт. Что делать будем? Вопрос.

Вот прямо сейчас. Что? Впереди выходные. Может, развеяться, в гости? А куда. И что сказать на «как дела, Марина»? Поплакаться в итоге? Нет, не то. Только отложу, и всё. В клуб? Ага, на дискотеку. Для тех, кому за... Тыц-тыц, бум-бум. «Девушка, угостить Вас, я тоже без подруги»? Нет, опять не то.

— Серафим, что скажешь? Кот ничего не сказал, замурчал только. Ну да, ты прав. Это всё — размазывать по тарел-

ке. Давно пора тарелку помыть и в сушку поставить. До ночи времени вагон. Уборку, может? Опять не то. Хотя... Не уборку, Марина. Разборку! Разобрать всё к чертям! Начинать так начинать!

Вот стена. Возле неё почти ничего. На ней мы обнаружили послание Петровых. Её мы с Сашей оклеивали первой. Вот этими обоями. Итальянскими, дорожными. А ещё хотели их поменять на детские, голубенькие. А вот тут должна была стоять детская кроватка. Но не срослось.

Убрать, всё убрать. Это и будет чистый лист. Практического смысла в этом ноль, конечно. Я это понимала. Но я не мудрец, мне понимать мало. Я хочу жить. Новой жизнью.

Вспомнился дурацкий чернушный анекдот про брадобрея-художника. Сидит его творение тихо. Между ним и зеркалом. А творец-художник всё ходит вокруг. Там штришок, здесь мазочек. Потом с воплем: «Всё не то!» полосуёт бритвой свою творческую неудачу...

Память — дура. Всё не туда несёт её. Ничего я ещё не творила. Просто мне нужен этот ритуал. Я с него начну. С чистого листа, с голой стены. Что с ней будет дальше — даже неважно сейчас. Главное — сдвинуть себя с места.

Всё отодвинуть. Есть. Старые шмотки, для работы. Нашла. Шпатель. Целых два. Который поуже. Есть. Ведро, тряпка, губка, Горячая вода. Есть. Ну что ж. Приступим. А как мы их клеили. Сняли все старые газеты со стены. Шпатлевали. Долго и с любовью. Вот чтоб тютя в тютю, чтобы шов-

чика не видно. Думала - сделаю идеально — и жить здесь будет безоблачно. На совесть сделано. Теперь стоят насмерть. Ничего, ещё промочим. Шпатель шёл туго. Один раз перестаралась, нажала — соскочил и по пальцу. Первая кровь, первые жертвы нашей маленькой войны. Грязный палец в рот. Фу! Марин, да ты ли это. Промыла, обработала. Спокойней надо. Ты шпателем - как штыком наперевес. А надо как шпателем. У нас ещё под обоями шпатлёвка. А под ней — штукатурка. Как жизнь. Скучные материи под обоями эмоций. Одним наскоком не победить.

Я продолжала своё наступление. Шпатель шёл туго. Руки ныли, плечо просило пощады. Но я отвоёвывала пространство. Медленно, методично, сантиметр за сантиметром. Сначала сдавался винил — он отходил узкими, рваными лентами. Открывалась бумажная основа. Вторая линия обороны. Она была самой подлой. Не снималась, а скатывалась под сталью в серые катышки. Забивалась под ногти, пыталась даже лезть в глаза. Вода в тазике снова стала страшной, цвета «мокрый асфальт». Ещё больше воды. Размочить до основания, до костей. Ещё разок. В этом было что-то варварское и в то же время целительное. Кушай заячий помёт, он ядрёный, он проймёт... Я когда-то создавала этот уют. Я теперь его уничтожаю. Гнездышко, блин. Курица. Квох-квох, ко-ко-ко. Тьфу.

Снова загоняю шпатель под влажный слой. Здесь он вдруг пошёл легко. Резкий, сухой звук. Надо же. Достучалась до

бетона. Здесь штукатурка тоньше. И, наверное, в ней был маленький пузырик. Вот он. Бетон. Первооснова. Голый, настоящий. Кое-как очистила пяточок с ладонь. Даже меньше. Серый, в мелких крапинах. Холодный. Вся стена будет такая. Голая, красивая, неважно какая. Без бумажек. Без узоров. Чисто и честно. Саша тоже был честным до конца. Люблю, ухожу, прости, будь счастлива. И правильно. И я ухожу. Уже в пути. Это же сколько мне ещё работать...

Где-то там, за пределами моего мирка, что-то тяжело упало. Бух! Глухой удар пробежал по стояку. Даже в подошвах отозвался. Это моя небесная твердь, чистый бетон. А за ней какой-то космос. Дом жил своей жизнью Ему все равно. Кто там родился, кто помер. Кто воюет, кто спит... Михалыч, наверное, дремлет перед телевизором. Там своя жизнь.

Немного отдохнуть. Подтянуть резервы. Перемирие пять минут, не больше.

Я снова упёрлась шпателем. Но теперь я не просто скребла. Я хотела увидеть её всю. Всю эту несущую мощь. Как перед первым прыжком в воду с вышки. И страшно, и любопытно, и говорили, что может быть больно. Но потом — кайф, если повезёт.

Работа пошла злее. Я уже не помнила, чего там просило плечо. Лохмотья обоев летели на пол, смешиваясь с грязной водой. Мои «вражьи окопы» начали сдаваться.

Утро встретило меня запахом мокрой пыли и тупой, тяжёлой и равнодушной болью в пояснице. Как свалилась —

и не помню. В чём была, не раздеваясь. Непорядок, Марин. Так тоже нельзя. Я лежала на диване и смотрела на стену. Вчерашний погром выглядел печально: клочья винила, серые пятна шпатлёвки, разводы. Недоделанная работа всегда выглядит поражением.

Я встала. Руки дрожали — непривычная нагрузка дала о себе знать.

«Всё, Марина, хватит», — сказал бы Саша. — «Найми людей, не убивайся».

Но в том-то и дело, Саша. Нанимать людей — значит не справляюсь. Со своей-то жизнью. А я справлюсь.

В понедельник утром я должна быть в офисе, сводить отчёты. А сейчас я смотрела в зеркало и понимала: я не смогу. Не потому, что веки отекли. Это пройдёт. А потому, что не получится делать вид, что всё как прежде. И отчёты сводить не смогу. Я вся здесь, пока не победила. А до победы далеко. За выходные не управлюсь точно. Отпроситься. Люда поймёт.

Позвонила Людмиле, своему начальнику. Да, удивилась. Но поняла. Сказала, что прикроет. Но неделя, больше никак. А потом придётся ишачить в темпе. А в отпуск отпустит сразу после. Приходи, Марина, в себя, не подкачай, до связи.

В себя-то приду, куда деваться. Вон сколько всего ещё сделать надо.

Сашин перфоратор грыз штукатурку. Добротная штука. Но мужская, мне тяжеловата. Ничего, делаю паузы. Всё пой-

дёт. Втянулась в ритм потихоньку. Время летело быстро. К вечеру бетона стало больше, чем штукатурки. Но всё равно пока не то. Шлифовать надо. В интернете советовали шлиф-машину с алмазной чашкой. «Работа пыльная, требует твёрдой руки», — предупреждал серьёзный голос из видео. Ладно, это завтра. Сначала добыю перфоратором, потом к Михалычу, у него наверняка шлиф-машина есть. А сейчас — всё это побоище в мешки. А то и не подойти скоро. Собрала. Устала адски. Выключилась, еле умыться успела. Очнулась только утром.

Проснулась. Умылась. Кажется - даже начинаю привыкать. Руки ноют, плечи плачут, но глаза полны огня. Ничего страшного. Умыться, завтракать, обслужить котика. Покормить, там убрать, здесь почесать. Котя, прости, милый, мама победит, вернётся с фронта, всё будет хорошо. И сделаю тебе домик из двух коробок. С фантиками и мышками. Скоро, уже скоро. За работу. Сделано немало. Но до победы далеко. Нужна шлиф-машинка. И человек, который знает, что это такое. Сосед, Михалыч.

К Михалычу я шла как в танковый рейд. Он открыл дверь в трениках и застиранной майке.

— Машину? Шлифовальную? — и таращится на меня так, будто я попросила у него пластырь от неудач. — Марин, ты как, здорова, в уме? Прибор увесистый. Не женский совсем. Не удержишь — вылетит вместе с белыми рученьками. И маникюром. Убьёшься нафиг — что я Саше твоему скажу?

Нет, не дури.

— Нет больше Саши, Михалыч, — сказала я тихо. — Нет-нет, жив он. Но здесь его нет. Короче — дай инструмент. Или я в прокате возьму, китайский, а он быстрее взорвется. А ты потеряешь свой заслуженный покой.

— У тебя глаза какие-то... Не на месте. Даже жутко, — отметил Михалыч. — Ну правда же, что-то не то. Приходит красивая баба, говорит: муж ушёл, дай аппарат. И куда ты его? Что делать будешь, стену? Да что мы на пороге, заходи, всё расскажешь. Успокоишься, там и решим.

— Михалыч, я спокойна. Давно уже. Не волнуйся. Захотела бы самоубиться — нашла бы что-то поинтересней. Да, ремонт затеяла, обновляюсь. Отступать некуда. Дай машинку и покажи, как с ней надо. Пожалуйста. Что, многого прошу? Или ты так занят?

— Я старый уже, но давай подгоню тебе орлов со стройки, — продолжил сопротивление Михалыч. — По старым связям. Уж такую работу сделают. Договоритесь, когда да что да почём. Сильно не ограбят, не бойся. Даже подождут, если вдруг. Под моё слово. Марин, ну не туда лезешь, поверь. Если бы кран поменять, да пойдём, без вопросов помогу. А тут у тебя горячка, уж прости. Так чего — вызову людей?

— Добрый ты, Михалыч, — улыбнулась я. — Позвонишь, но не санитарам. Или лукавишь? Короче — не нужны мне твои орлы. Я должна сама. Сама, понимаешь? Это важно. Или помощи, или пойду дальше искать путей. А тебе типун

на совесть. На старости лет.

Михалыча я всё-таки уломала. Он ещё пытался сопротивляться. Но не очень долго. Он и правда добрый. Сорок лет на стройке его не озлобили. Молодец. В итоге сказал: «Ладно. Пошли. Поработаем. Но одну не оставляю, пока не увижу, что можно. А то отберу и уйду, от греха». Маленькая победа на новом, неизвестном пути.

Чашка к машинке нужна была новая. Не страшно, строительный магазин — через дорогу. Сходили, закупились. Чашку? Самую лучшую, пожалуйста. Алмазную? Да, пусть будет. Чаша алмазная. Грааль почти. Ну и что, ритуал тоже важен. Михалыч, это ты не понимаешь, не пыхти и не спорь, закончу — подарю на память. И не кокетничай, я так решила. Перчатки. Две пары. Защитные очки, а свои спрячь подальше, какие-то они немодные. И респираторы ещё. Три. На всякий случай. Спасибо. Так, не тормозим, вперёд, труба зовёт.

Мы стояли в моей комнате. Я работала машинкой. Михалыч встал сзади. Придерживает за локоток. Чуть похлопает по спине — стоп. Слушаю очередное наставление.

— Жми плавно. Не дави, она сама грызть должна. Чувствуй, как диск идёт.

Кивнула. Снова взялась за аппарат. Нажала кнопку. Машина взвыла, рванулась из рук. Пытается уйти. Не дам! Вцепилась в неё мёртвой хваткой. Пыль мгновенно заполнила всё пространство. В комнате повисло серое скрипучее маре-

во. Михалыч стоял рядом, как тень, как бодигвард на митинге. Не сразу, но дело пошло. Где-то вдруг я поняла, что с этой жужелкой можно сладить.

Ещё минут через десять он перестал меня страховать. Наконец-то.

— Ишь ты... — осторожно похлопал меня по плечу. — Хватка у тебя, Марин, не бабская. Злая ты сегодня. Или всегда такая? Вроде нет. Ладно, работай. И больше локотком-то не сучи. Но это уж так, на всяк. Вижу, просекла. Удивительно. Мне отойти надо. Ждут меня уже. Но через каждые пятнадцать минут — перекур. Устала — отдохни, не ударничай. И окна настезь, не мудри. Ещё зайду, проверю. Берегите себя, и прочее.

Я работала. Продолжала свою символическую войну за светлое... Нет, просто за будущее. Надо будет—осветлим. Михалыч действительно зашёл через пару часов. Посмотрел, покачал головой. Ушёл. Значит—всё нормально, фронт движется куда надо. Усталость уже смирилась, что не до неё. К вечеру вымоталась, почти сразу отключилась. Ну и хорошо, дальше шуметь все равно нельзя. Встала утром. Завтрак, кот, и за работу. Я победила.

Во вторник проснулась в одиннадцать. Могу себе позволить. Пыльная тишина привала. Вошла в комнату. Стена была готова. Всё вокруг в пыли на палец, но это всё уберём. Я победила.

Голый серый бетон. Разводы, царапины, мелкие ракуш-

ки. Но ровная. Холодная. Она выглядела как скала. К вечеру тщательно вымытая. И грунтованная. Такая новая и такая... моя..

Я села на пол, прислонилась спиной к этому холодному камню.

Саши нет. И Сашиного "уюта" больше нет. И Сашиного "прости" тоже нет — оно осталось там, под слоями мусора, который я вынесла в больших черных мешках.

Стена была несущей. Но я теперь—тоже. Мы держим друг друга.

Мне сорок. На руках свежие мозоли, маникюр давно стёрт, болит спина, руки... Но у меня есть этот чистый, честный лист три на четыре метра. Оно того стоит.

## Глава 2

Среда. Утро. Я сижу у моей стены. Спина к спине. Она — голая и чистая. А я — пока всё та же. Ну, почти. Кое-что всё же изменилось. Платья в гардеробе пока всё те же, не всё сразу. Но не сегодня, так завтра — сто пудов, будет шопинг на эту тему. Нужны перья парадные и попроще — тоже. Но чтобы другие, не все эти цацки жены-отличницы. А пока что купила пару каких-то нелепых табуреточек, такие — ножки от рюмки. Не знаю чем — но вот понравились. Ещё когда чашку к шлифовке покупала — рядом со строительным витрина мебельного, и там, сквозь витрину, увидела. Чтобы у стены сидеть — хватит и одной, но кто ж по одной покупает, а потом, а вдруг...

А что «вдруг», Марин? Нарядишься в новые шмотки, причёску и фэйс? И пойдёшь найдёшь кавалера, и посадишь его на эту недорюмку? И будешь вместе с ним что? У стеночки сидеть? А если сильно жопастый будет? Ничего-то ты, дурочка, ещё не решила. Только решила всё порешать. А у тебя принц уже на табуретке почти сидит. Взрослая тётка, а всё в девочкиных сопельках. Так, ладно. Сначала неотложные дела. Саша. Надо ж как-то это дело оформить. Развестись. Он же теперь глава семьи, и скоро отец, и пусть будет даже много раз отцом. Нина, как я понимаю, меня помоложе лет на десять, как минимум.

Десять лет назад я тоже была совсем почти девочка. С недевочкиными переживаниями... Время бежит. Десять лет назад — это когда мы пришли в клинику с ним. Всё хорошо, любовь-морковь, ах Сашенька — Марина, какая хорошая пара, а детей всё нет и нет. Уж как ни кувыркались... Уже и родители про внуков спрашивать перестали... Ну да. Обследование, пробы, то, сё, куда только не заглянули. Чисто. Резус один. У него всё где надо и сколько надо. Я — так вообще как только что со склада, ах, Марина Петровна, да Вам не тридцатник, Вы, похоже, только набираете цвет...

А результат — ноль. Голяк. Все бесплатные процедуры и заходы закончились быстро. Как оно обычно и бывает. Пошли очень даже платные. ЭКО. Ипотека, почти добитая — пришлось заморозить. Хорошо ещё, что это удалось сделать. Другие траты пошли. Сашина пробирочка, моя, эмбрионы, стол в операционной, вот это всё. Запомнила профессора. Светило в своём деле. С несуразной такой фамилией — Зайчик. Иммануил Абрамович Зайчик, надо ж такое придумать, а...

Настоящий еврейский богатырь. Вот сидит он, поперёк стола шире. Ручищи — во, как у скифской бабы, я в музее видела. В халате, в шапочке шестьдесят восьмого размера, не меньше... Лет шестьдесят, но кудрявый, бородища с проседью. Ему бы не гинекологом, а царём Соломоном. Такой, наверное, и Стену Плача лбом прошибёт... И главное — всё вокруг него такое маленькое, и вроде кабинет меньше, и стол

как игрушечный. И я напротив — такая, липипутка-малолетка. И смотрит на меня. Глазищи ласковые — луп, луп. И молчит. Потом сказал:

— Марина Петровна, две новости: плохая и хорошая. С какой начнём?

Я невольно и совсем уж не вовремя улыбнулась. Он грасировал, как Ленин. Но чтобы такого слепить, нужно Владимиров Ильичей штук пять, не меньше.

— С плохой, конечно, они самые главные, — отвечаю ему.

— Плохая: пятая попытка — опять мимо. Не в нас дело, милая моя. И не в Вас, и не в Саше. Эмбрионы — все как на подбор. Не придраться. Да полно пациенток, которые таким были бы счастливы, уж поверьте старику! Это называется — бесплодие неясного генеза.

— Бесплодие чего? — переспросила я. — Так это всё, приговор окончательный?

— Неясного генеза, — повторил Зайчик. — Честно скажу, Марина Петровна: это значит, что все мы, светила и учёные мужи, ничего в этом случае не понимаем. Это нам неясного. Всё есть, всё на месте, должно быть — а нету. Бывает такое, но совсем не часто. Бог не попускает, что ещё скажешь. Это плохая новость. Теперь хорошую, может?

Говорить я не могла. Сидела, как пыльным мешком убитая. Только кивнула. Слезы капали.

— Хорошая: Саша здоров, Вы — ещё здоровее. Девочка-конфетка, простите старика. Что снаружи, что внутри.

Этот весь неясный генез — я практически уверен — касается только конкретно Вашего случая с Сашей. Любой другой семенной материал — и всё может получиться. Да вероятно, что получится.

Я понимаю, какие тут вопросы. И нужны ли тут вообще дальше доктора, если им неясного генеза. Это уж вам вдвоём решать. Дело очень внутреннее. Мы только действуем, согласно вашим решениям. Ну-ну, деточка, не надо так убиваться, водички, может?

— Спасибо, Иммануил Абрамович, я на месте, сейчас... Всё, я в руках. Значит — что выходит? С Сашей нет, а с заезжим-прохожим — вполне?

— Да, вполне, грубо говоря. Хоть на операционном столе, хоть на другом каком. Мало того, и у Саши та же ситуация, скорее всего. Но я же вижу, Марина, кхм... Петровна... Я же тоже не первый год живу. Приходят пары, уже понятно, в общем виде, что у них да как. И Вы вот с Сашей тоже. Хорошая пара. Правильная. Любите друг друга. Бывает же — сколько угодно — приходят, а я смотрю и понимаю: вот не хочет она от него ребёнка. И ведь тоже может получиться мимо. И хоть убейся. Причём говорит — да-да-да, а я вижу, что нет. Мы ведь в женском организме — как пэтэушники в академии наук. Кое-что можем, конечно, чего-то нащупали. Но лучше всего у нас получается щёки надувать да диагнозы на латыни изрекать. А Вам с Сашей нужен малыш, нужен.

Только с прохожим зачем. Найдём донора. Чтобы на Са-

шу был похож. По росту, цвету, и всё остальное. Сделаем эмбрион, чтобы просто огурчик. И всё должно получиться. Вы, если хотите знать, рожать должны вообще без проблем, по всем показателям. Очень хочется Вам помочь. Если с ресурсом уже проблема — тоже понятно, не Вы первые. Я тут не по финансам, но кое-какой вес имею, похлопочу, чтобы сильно не задирали. Решайте. Вот этого за Вас не могу.

У меня наконец получилось выдохнуть. Наступила какая-то странная ясность. Небо за окном — синее, Зайчик — хороший, душевный мужик, хоть и страшен на первый взгляд, как языческий идол. А в воздухе какой-то особенный, медицинский дух. Надраенных полов, чуть нашатыря, и ещё озона, что ли... Только сейчас заметила.

— Не прохожего, но похожего... А у Вас сколько детей, Иммануил Абрамович? — почему-то брякнула я.

Профессор вдруг улыбнулся какой-то совсем не статусной, не взрослой улыбкой. И сразу стал похож на еврейского Деда Мороза.

— Мариночка, поверьте-таки старому еврею, будут у Вас дети, будут. Начнёте с одного, конечно. А у меня четверо. От двух жён. И десять внуков. Но какие мои годы, а какие Ваши. Третья дочка старше Вас. Не торопитесь, думайте с Сашей. Но не тяните, не надо. Как родите — зовите на первый день рождения. Приду с подарком, культурно напьюсь и спою Вам еврейских колыбельных. Набиваюсь не ко всем, смею заметить. Сильно руками махать не буду, за это не бойтесь.

— А если маму суррогатную? — цеплялась я за последний шанс.

— Я Вашу медкарту изучил, как Вы понимаете, — не сразу ответил Зайчик. — Район помню Ваш. Квартира какая? Двушка? А запасная есть? Потому что стоит примерно на таком уровне. И ждать лет пять можно. Если официально, с гарантиями. Ипотеку на это дело Вы точно не добудете. Потянете?

Я молчала. Не смея соврать, и не в силах сказать «нет».

— Не потянете, — помог мне Зайчик. — Есть, конечно, и неофициальные варианты, там нулей в конце поменьше, но... Марина Петровна, времена пошли — одно страшней другого. Парад уродов какой-то. Даже у меня надёжных вариантов уже не осталось. Ещё бы года три назад... А так — не могу порекомендовать и поручиться. Не лезьте туда, я Вас прошу.

Мне опять расхотелось дышать. Марина, вдох-выдох. Вот так. Надо. И не разревись. Он поймёт, засуется, но легче не станет.

— И последнее, — добивал меня добрый доктор. — От внешней мамы вы получите ребёнка на троих. Вы, Саша, и та тётя. А не на двоих. Долго объяснять, просто поверьте моему опыту. И Вам точно надо бы родить, хоть раз. Роды — это испытание, да. Но только ни разу не родить — на Вас это тоже скажется. И совсем не так, как хотелось бы. Не знаю, чем Вас ещё убедить... Спрашивайте, если что-то неясно, не стесняйтесь.

— Даже не знаю... — сказала и вдруг совсем уж свалила дурочку: — Иммануил Абрамович, а Вы моетесь в ванной или в джакузи?

Профессор поправил оправу на носу, и вдруг рассмеялся. Звонко, молодо, искренне.

— Под душем, душа моя, ах-ха-хах... В ванной для воды места не остаётся, если я там. Я бы закон Архимеда точно не открыл. А в джакузи пробовал — но так расслабляюсь, что потом тяните меня семеро. А ещё — Вы не поверите — в настоящую русскую баню хожу два раза в месяц, только мне одного веника мало, ах-ха-хах...

Мы ещё посидели немного. Угостил чаем. Этот тяжёлый бородатый мужик с плохой новостью, этот огромный Голиаф в халате рассмешил меня, почти успокоил. Ненадолго. На следующий день к нему зашёл Саша. И там был совсем другой разговор.

## Глава 3

Наедине с Сашей Зайчик тоже, конечно, пообщался. Саша после этого пришёл какой-то совсем уж задумчивый. Я его редко таким видала. Вот он, Сашенька, такой родной, а смотрит куда-то вдаль, и даже иногда — сквозь моё лицо. То ещё ощущение.

— Что, Саша? Как ваша встреча прошла? Хватит уже, вернись на Землю, — наконец решилась я.

— Этот Зайчик на зиму волков коптит, — тихо и не сразу ответил Сашенька. — Поговорили. По-мужски. Что сказал? Так ведь наверняка то же, что и тебе. Но каков... Ладно я, но как ты, женщина, это всё выдержала?

— Новости, конечно, так себе, — согласилась я. — Дрянные, что сказать. Ты здоров, я здорова, а ничего нет. Нужен третий. Саш, я готова. У нас будет сын. Твой и мой. Наш. Или дочь, как скажешь. Да хоть двойню. Найдут донора. Такого, чтобы никто и не подумал, что кто-то там ещё, а не мы вдвоём... Я потяну без вопросов, — это он мне говорил. А что я должна была ещё выдержать? Ну да, плакала, а потом мы даже посмеялись в конце. Он такой прямо лапушка, ухитрился рассмешить...

— Рассмешить? Зайчик? Этот Голиаф библейский? Этот ночной ужас доктора Геббельса? — Саша был поражён. — Я не думал, что его недооценил, но похоже на то. Насколько

же он может быть разным, оказывается...

— Сашенька, да что он тебя там, бил, что ли? — невольно улыбнулась я. — Ну Зайчик. Ну огромный. У него ермолка, если есть, — она как тазик с оливье на Новый год. И что? Он-то один и тот же. Это мы с тобой разные. Ты — дерево, я — тростник. Ты упираешься — я прогнусь и выпрямлюсь. Ты мужчина. Мой мужчина. А я твоя женщина. Вот и всё. Сашенька, незайчик мой, обними меня...

Я хотела ребёнка от безымянного донора, чтобы, наконец, забыть обо всей этой жути. Нашего с Сашей ребёнка. С его фамилией и с отчеством Александрович. И дальше жить, как люди живут. Ведь всё остальное мы сами и наживём и заработаем, какие наши годы. И я же спонтанно, целуя Сашу, попала в самую точку. Он действительно упирался.

Рассуждал он так: раз Бог не попускает, а почему — непонятно, так надо тогда к Богу идти и спрашивать. И молить. Чтобы избавил нас от этого нехорошего, нелепого чуда. Он же иногда творит хорошие. Исцеляет больных людей и всё такое. А тут — всего-то — надо позволить двум не больным, а здоровым побыть, наконец-то, полноценными людьми. Или хотя бы как-то успокоить и объяснить, что ж дальше с этим делать. Как из этого выбираться, и куда.

Саша был крещён. Давно, в детстве ещё. Но православным он был, конечно, скорее номинальным, как и большинство. Церковь посещал. И даже не как турист. Но нерегулярно. И как-то совсем бессистемно. Иногда на него находило, было

даже — всюнощную отстоял, на Пасху. В последнее время — чаще. Меня никуда не тянул, нет, такого не было. Как-то раз сказал: «Марин, я тебя слишком уважаю, чтобы что-то тебе навязывать. Тем более — сама видишь, далёк от полного воцерковления. И слишком по-человечески люблю, чтобы... чтобы...» — тут он почему-то не смог продолжить.

— Короче, о Боге можно и со мной, а если мало — то с попом.

Но мне хватало и с ним. Мне вообще всего хватало, пока он был рядом.

Мы отправились в Храм Покрова Пресвятой Богородицы, совсем недалеко от нас.

Саша ни разу в нём не был. Когда мы только въехали в свою новенькую ипотечную квартиру, старенькая церковь как раз закрылась на ремонт. Ремонт оказался каким-то жутко долгим, и закончился только на днях.

Честное слово, даже меня, по сути безбожницу, — и то покорило. В церкви сделали евроремонт. Офисный. Или торговый. Датчики движения на входе. Плиточка — как в кабинете Зайчика. QR-коды на свечных ящиках.

И — стены. Жуткие. Ровные, безупречно гипсокартонные. В аккуратных выемках по стенам стояли иконы. Что ж, сделано всё вроде бы аккуратно...

Я поняла, что мне почти больно. Саша сжал мою руку в своей. Гипсокартон он читает быстрее меня.

— Знаешь, чего не хватает, — тихо сказала я. — Видео-

стены шесть на три метра, для проповедей в 4К. Вон там. А ещё фотообоев с житием Христа. И пометками в самом внизу — сгенерировано ИИ сервера Московской Патриархии... И копирайт.

— Тогда закладные нужны под видеостену, — отозвался он. — Гипсокартон такую мирскую тяжесть не потянет. Всё в тартарары падёт. Ладно, Марина. И так тяжело. Пошли отсюда.

— Рад, что кому-то ещё это претит, — раздался мягкий баритон у нас за спиной. — Здравствуйте.

Саша наконец-то выпустил мою руку, и мы обернулись. И хорошо, что выпустил. Моя рука сама взлетела вверх, к губам, чтобы сдержать громкое «Ой...». Но всё же я успела сгруппироваться и просто поправила косынку.

Перед нами стоял батюшка. Молодой, наверное — наш ровесник. Усы, борода — но не очень густо. Чуть рыжеватый шатен. Очки в тонкой оправе. Если бы Сашка решил отрастить бороду, усы и причёску подлиннее, и облачиться в рясу. А у этого попа убрать вот эту маленькую родинку на щеке... Получилась бы картинка — найдите десять отличий. Нет, и пяти хватит. Не точная копия, конечно — чуть другой нос, чуть голос пониже, чуть гуще брови. Но очень. Очень. Очень похож. По росту и цвету, как сказал мне Зайчик... Не близнец, но брат — запросто, с запасом. Марина-Магдалина, тормози, куда тебя понесло... Всё-таки какая-никакая, а церковь. Да и поп всё же настоящий, ещё какой... настоящий...

— Я — отец Андрей, настоятель здешний, — представился симпатичный священник. — Как я могу обращаться к вам, чада мои духовные?

— Я — Александр, можно просто Саша, — сказал Саша. — И моя супруга, Марина.

— Что ж, повторю — рад. Меня тоже печалит такое преобразование Храма Пресвятой Богородицы, — вздохнул отец Андрей. — Я ведь совсем недавно сюда прибыл. Предыдущий батюшка преставился, прими, Господи, душу его. — И перекрестился. — Я, как сюда прибыл, долго не мог отойти от первого впечатления. И обратился к своему духовному наставнику. Знаете, что он мне рассказал?

— И что же? — решила я.

— Слушайте. Изложу покороче. Юность свою во грехе он пребывал. Всё там было, и пьянство, и прелюбодеяния с кем попало, и с девицами, и с замужними, Господи помилуй, — и опять перекрестился. — В общем, тот ещё милый юноша. Ходил, бывало, на нудистский пляж знакомиться. Дело было в одном приморском городе. И как-то он с него, с пляжа, поднимается — там такой длинный склон. Жара, устал, смотрит — церковь, ворота подворья настежь, никого нет. Присел на лавочку в тенёк. И тут садится рядом священник. И начинает его, значит, наставлять, на путь истинный. Смотрит юноша — а поп такой круглый, необъятный, румяный, аки красна девица, лицо — как два его, пальцы — сосиски. И при этом вещает о Посте. Ну и ляпнул: — Батюшка, прости,

но смотрю на тебя — и не верю! Какой пост? Давно в зеркало смотрел? А тот и не обиделся, а только сказал: «Дурачок ты. Ты и есть моё зеркало. А ты что на меня-то смотришь? Я — человек, а человек слаб! Ты не в меня, ты в НЕГО веруй! А то так и загнёшься в беспутстве своём!» Это всё к чему — вот этот храм — он и есть как тот, далёкий от совершенства наставник. Испытание гордыни моей. Вот могу я Слово Божье нести среди всего этого, или мне подавай намоленные камни...

— Конечно, вы пришли сюда из картонно-пластиковых джунглей, к свету, к духу, к нетленному, верно? И видите вот такое. И я вас понимаю, сам ведь с этим столкнулся. А теперь представьте: вот попади сюда православные из, допустим, девятнадцатого века — они бы углядели всю эту картонную пошлость и цифровую обыденность? Конечно нет, ведь она у них тоже есть, но совсем другая. С другой стороны — Христос в пустыню ушёл, от всего этого базарного непотребства подальше. То есть не в аскезу, а в незапачканное место. Так ведь Нечистому тоже там было удобно обращаться к нему напрямую! Никто не мешает, никакой вокруг суеты... Так вот и были там, Иисус молился Отцу, а Нечистый ему говорил: ты, мол, в пустыне, а мог бы во дворце, царём царей. И будут у тебя не 4К, не сны и призраки, а в руках и очах твоих всё, чего ни захочешь. Живое, тёплое, радостно тебе подносящее. И ведь Враг силён, искушения щедры и обильны, кто устоит наедине, кроме Христа? Понимаете

меня?

В этот момент я так и не поняла — то ли отец Андрей был настолько проницателен, что всё понял с полпинка, то ли он действительно совпал с нами по волне. И счастлив был поделиться с нами наболевшим. То, что он говорил сейчас, било меня по живому. Я набухала, и почти текла, и ничего не могла с этим поделать. В церкви. Рядом с любимым мужем. И я не чувствовала себя распущенной самкой, нет. Это-то и пугало больше всего. Перед нами стоял близкий нам по времени и чувству человек. Какое-то прямое продолжение Сашки... И близкий, и недоступный...

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.